

Историческая информатика*Правильная ссылка на статью:*

Шгацкая А.М. Социальный состав послевоенного студенчества: опыт анализа данных из материалов личных дел архива Псковского пединститута // Историческая информатика. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2585-7797.2024.2.71215 EDN: XZMERS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71215

Социальный состав послевоенного студенчества: опыт анализа данных из материалов личных дел архива Псковского пединститута**Шгацкая Ангелина Михайловна**

ORCID: 0000-0002-7120-070X

ассистент; кафедра отечественной и всеобщей истории; Псковский государственный университет

180000, Россия, Псковская область, г. Псков, пл. Ленина, 2, каб. 121

✉ a.shtatskaya@pskgu.ru

[Статья из рубрики "Базы данных и информационно-поисковые системы"](#)**DOI:**

10.7256/2585-7797.2024.2.71215

EDN:

XZMERS

Дата направления статьи в редакцию:

08-07-2024

Аннотация: В статье дается обзор данных о социальном происхождении послевоенного студенчества исторического и литературного факультетов Псковского государственного педагогического института (1948–1953 гг. выпуск). Источником социально-демографических данных, представленных в статье, стали документы из 282 личных дел всех студентов очной формы обучения указанных факультетов, хранящиеся в архиве Псковского государственного университета – правопреемника Псковского государственного педагогического института. В первую очередь это такие документы, как автобиографии, личные карточки, анкеты, характеристики и заявления. Кроме данных о социальном происхождении обучающихся, в статье приводятся сведения о социальной мобильности родителей студентов, их партийной принадлежности, занимаемых должностях, а также случаях политических репрессий и количестве погибших в годы Великой Отечественной войны. Сведения из документов личных дел студентов обработаны с использованием количественного анализа данных, реализованного с помощью системы управления базами данных Microsoft Access.

Обработка и анализ данных осуществлены на основе четырех общепринятых в советские годы категорий: «служащие», «крестьяне», «рабочие», «священники». Проведенное исследование демонстрирует научную перспективу использования университетских архивов, их ценность, объем и роль в реконструкции социокультурных трансформаций, через которые прошло послевоенное поколение студентов. Изучение этих материалов позволяет более глубоко понять контекст, в котором развивалось студенчество 1945–1953 гг. Несмотря на то, что современный уровень развития информационных технологий располагает к работе с базами данных, основанных на социально-демографических характеристиках, представленных в студенческих личных делах, такие исследования не стали пока широко распространенной практикой в отечественной историографии. В статье проводится сопоставление результатов данного исследования с исследованием коллективного портрета студентов исторического факультета Московского государственного университета, основанном на анализе социально-демографических данных из личных дел студентов послевоенного периода.

Ключевые слова:

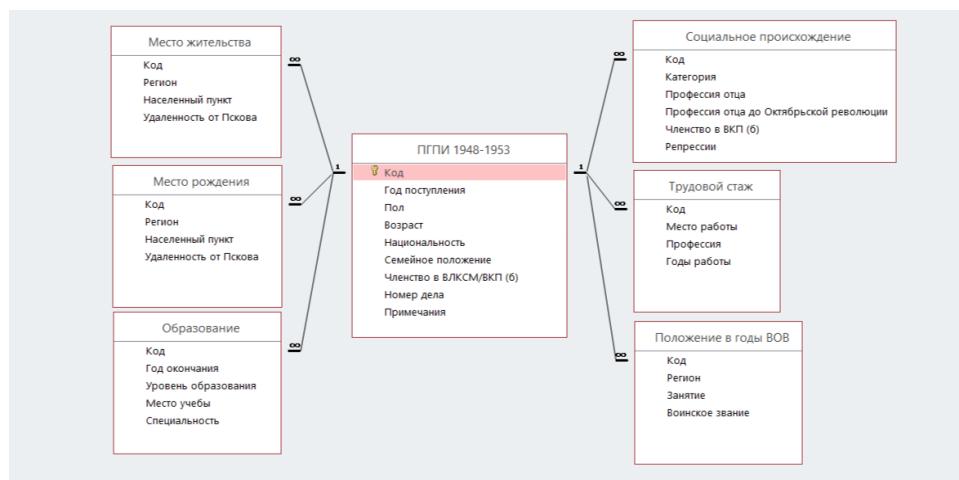
личные дела, автобиографии, советское студенчество, социальное происхождение, социальная структура, послевоенный период, Псковский педагогический институт, база данных, частота встречаемости, просопография

Введение

В условиях форсированного послевоенного восстановления народного хозяйства СССР в 1945–1953 гг. потребность государства в квалифицированных кадрах во всех отраслях экономики и в социальной сфере была особенно велика, поэтому руководством страны был возобновлен курс на развитие большей доступности высшего образования. Относительно довоенного 1939 г. число вузов в СССР к 1951 г. выросло на 18 %, а количество студентов увеличилось вдвое и составило 1,3 млн. человек [1, с. 162]. С ростом числа людей, имеющих высшее образование, стал повышаться социальный и культурный статус интеллигенции, в обиход вернулся сам термин «интеллигенция» [2, с. 37]. Изучение социального состава послевоенного студенчества позволяет приблизиться к пониманию того, из какого «материала» формировалась послевоенная советская интеллигенция и каким образом ее трансформировали события Великой Отечественной войны. В современной отечественной историографии к этой теме так или иначе обращались историки Л. В. Силина [3], Е. О. Ягодкина [4] и Ю. А. Русина [5, 6], но потенциал раскрытия этой темы продолжает оставаться высоким.

В рамках изучения социального состава послевоенного студенчества любопытен опыт педагогических вузов, решавших проблему нехватки кадров в послевоенных школах и готовивших учителей для воспитания и обучения следующего поколения. Примером такого вуза выступает Псковский государственный педагогический институт (ПГПИ), возобновивший работу и прием абитуриентов в 1945 г. Источником сведений о социальном составе студентов ПГПИ первых послевоенных лет являются документы из личных дел обучающихся, сформированные в тома по годам выпуска (с 1948 по 1953 гг.). Для работы над исследованием были собраны данные из 282 личных дел всех студентов-очников исторического и литературного факультетов ПГПИ. На основе собранных сведений была построена просопографическая реляционная база данных в СУБД Microsoft Access 2016, содержащая социально-демографические показатели

обучающихся, в том числе информацию об их социальном происхождении. Для удобства использования базы данных собранная информация о студентах структурирована в виде семи таблиц, объединенных связью «один-ко-многим» от ключевого поля «Код» (код студента) (См. рис. 1).

Рис. 1. Схема данных БД «Студенты исторического и литературного факультета ПГПИ 1948–1953 гг. выпуск»

Внесение данных в столбец «Социальное происхождение» проходило в четырех фиксированных вариантах с помощью инструмента «Мастер подстановок»: «служащие», «рабочие», «крестьяне», «священники». Далее все сведения были подсчитаны и определены процентные соотношения по каждому году и по каждому факультету.

Социальное происхождение послевоенного студенчества ПГПИ: результаты анализа данных из личных дел

Из 282 студентов сведения о своем социальном происхождении указали 245 человек. Источниками сведений о социальном происхождении являются личные карточки из личных дел, в форме которых была предусмотрена отдельная графа «Социальное происхождение», и автобиографии студентов, где они указывали конкретные профессии или даже место работы родителей, что позволяло определить социальное происхождение. В советские годы в группу «рабочие» включались все те, кто был занят наемным, преимущественно физическим, трудом. Вторую группу составляли крестьяне. К этой группе относились те, кто занимался сельскохозяйственным. Наконец, третью группу составляли служащие. Эта группа включала в себя врачей, юристов, учителей, административных работников и т.д. [7, с. 11-12].

Частотный анализ представленных данных показал следующие данные (См. Таб. 1):

Таблица 1. Социальное происхождение студентов исторического и литературного факультетов ПГПИ 1948–1953 гг. выпуск

Год выпуска	Количество студентов	Социальное происхождение
1948	7	Служащие: 5 (71,4 %) Рабочие: 2 (28,6 %)
1949	29	Служащие: 13 (44,9 %) Крестьяне: 7 (24,1 %)

		Рабочие: 7 (24,1 %) Священники: 2 (6,9 %)
1950	45	Служащие: 19 (42,2 %) Крестьяне: 13 (28,9 %) Рабочие: 13 (28,9 %)
1951	45	Служащие: 22 (48,9 %) Крестьяне: 15 (33,3 %) Рабочие: 8 (17,8 %)
1952	61	Служащие: 41 (67,2 %) Крестьяне: 15 (24,6 %) Рабочие: 5 (8,2 %)
1953	58	Служащие: 37 (63,8 %) Крестьяне: 12 (20,7 %) Рабочие: 9 (15,5 %)
Всего:	245	Служащие: 137 (55,9 %) Крестьяне: 62 (25,3 %) Рабочие: 44 (18 %) Священники: 2 (0,8 %)

Соотношение социальных групп, к которым себя относило студенчество, из года в год менялось несущественно. Мы видим явное преобладание молодых людей из семей служащих. Также замечаем примерно равное количество выходцев из рабочих и крестьянских семей в первых послевоенных выпусках (1948–1950) и, начиная с выпуска 1951 г., снижение количества студентов рабочего происхождения «в пользу» служащих. И несмотря на опальное положение служителей православной церкви, двое студенток указали, что их отцы церковные диаконы [8, л. 32, 87]. Если говорить о разнице получившихся показателей социального происхождения выпускников между факультетами, то единственное заметное отличие заключается в том, что на литфаке в целом по всем исследуемым годам на 5,5 % больше доля выходцев из крестьянских семей.

Из лидирующей позиции категории служащих в социальном составе изучаемого студенчества можно сделать вывод о том, что дети, выросшие в семьях, в которых родители занимались интеллектуальным трудом, смотрели на получение высшего образования и, соответственно, схожей с родительской профессии, как на обязательную часть своего жизненного пути. На свой пик массовизация советского высшего образования выйдет к середине 1980-х гг., а пока она только набирала обороты, поэтому доли выходцев из семей рабочих и крестьян еще не так высоки. Кроме того, обучение в вузах в 1940–1956 гг. было платным и составляло 300 рублей в год. Такие расходы были посильны для многих семей, но для некоторых (особенно для крестьян) могли стать фактором, влияющим на отказ от поступления в вуз.

Также интересно то, что в отличие от национальности, которую обучающиеся указывали

нечасто, на происхождении, на профессии родителей, сами студенты, рассказывая о себе в анкетах и автобиографиях, делали заметный акцент. Несмотря на то, что в принятой в 1936 г. Конституции СССР декларировалось предоставление равных прав всем гражданам страны независимо от «социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности» (ст. 135), на практике социальному происхождению уделялось большое внимание и не удивительно, что студенты отдельно подчеркивали «правильное» происхождение или же указывали его автоматически, привыкнув к тому, что социальное происхождение – это неотъемлемая часть советской гражданской идентификации, как, например, место рождения или фамилия.

Другие сведения о семьях студентов, представленные в личных делах

Анализируя сведения из автобиографии студентов, можно отметить высокую социальную мобильность их родителей, которые в течение жизни переходили из одного социального класса в другой. В пятнадцати автобиографиях указывается, что родители до Октябрьской революции были крестьянами, но позднее они переквалифицировались на рабочие профессии и профессии из категории «служащие». Это интересная примета времени, отражающая уровень и темпы социальной мобильности и урбанизации в первые десятилетия Советской власти. Так, например, один из студентов указал, что его отец до революции был крестьянином, но позднее сменил сферу деятельности и (по состоянию на 1948 г.) дорос до заместителя начальника УМВД по Псковской области. Таким образом, часто получалось, что если родители по своему происхождению были крестьянами, то их дети уже рождались в семье рабочих или служащих и указывали соответствующее социальное происхождение. Также в этом находит свое отражение тот факт, что несмотря на принятое в марте 1926 г. ЦК РКП (б) постановление «Об определении социального положения коммунистов и принимаемых в партию», в котором уточнялись критерии социальной принадлежности и утверждалось, что социальное положение следовало теперь определять по основному занятию в момент определения [7, с. 19], на практике так или иначе во внимание продолжала приниматься и дореволюционная трудовая биография.

В тех автобиографиях, где студенты уточняли еще и профессии родителей, чаще всего указывали профессию отца. Были представлены следующие профессии: учитель, врач, железнодорожный рабочий, церковный диакон, зоотехник, бухгалтер, землеустроитель, электромонтер, моторист, инженер-строитель, рабочий завода, парикмахер, юрист, военнослужащий, партийный работник и другие.

Среди служебных должностей родителей студентов исторического факультета ПГПИ были широко представлены руководящие должности, особенно из г. Пскова: председатель горисполкома г. Пскова, заместитель начальника УМВД по Псковской области, начальник погранзаставы (г. Псков), начальник планового отдела завода «Выдвиженец» (г. Псков), заведующий транспортом на станции Псков, а также управляющий областной конторой снабжения и сбыта в г. Новгороде, председатель Клятвинского сельсовета Могилевской области БССР. Среди родителей студентов другого факультета ПГПИ – литературного – заметно меньше людей, занимающих руководящие должности, особенно на областном уровне. Если соотнести это еще и с приведенными выше данными о том, что на литфаке на 5,5 % было больше выходцев из крестьянских семей, чем на истфаке, то можно сделать вывод о более высокой престижности исторического образования относительно образования филологического из-за характерной для него политической направленности.

Тринадцать студентов указали на членство их отцов в ВКП (б). Двадцать два студента

сделали в своих автобиографиях отдельные пометки о том, что из их родственников никто не был репрессирован и не находится за границей. Но две студентки не стали скрывать информацию об осужденных родителях. Одна из девушек писала об арестованном в 1938 г. отце, и по состоянию на год написания автобиографии (1947) он всё еще находился в заключении в Вятлаге (Кировская область) [9, л. 110]. Другая студентка, родившаяся в 1924 г. в Ленинграде, писала о том, что в 1937 г. ее отец был осужден, и она со всей семьей уехала за ним в место ссылки – г. Иолотань Туркменской ССР [8, л. 51]. Также в одной из автобиографий имеется косвенное указание на то, что родственники были подвергнуты репрессиям: одна из выпускниц 1952 г., родившаяся в 1930 г. в станице Ленинградской Краснодарского края, писала: «В 1932 г. вместе с родными приехала в Казахскую ССР Акмолинскую обл. Шортадинский р-н поселок Ново-Кубанка» [10, л. 138]. Поселение Ново-Кубанка было образовано в 1933 г., как одна из 292 производительных лагерных точек Карлага. Списки «особой категории» формировались в том числе из станицы Ленинградской [11]. Возможно, утаивать информацию об осужденных родственниках большого смысла не имело, поскольку в случае проверки это могло вызвать дополнительные вопросы.

Колоссальные человеческие потери в годы Великой Отечественной войны не обошли стороной и семьи студентов ПГПИ. Из 282 исследуемых личных дел выпускников истфака и литфака ПГПИ 1948–1953 гг. в 240 дела (85,1 %) имеются сведения о судьбах студентов и/или членов их семей в годы войны. Из них в 30 (12,5 %) личных дела, а именно – в автобиографиях, присутствуют упоминания о родственниках, погибших на войне: 24 студента потеряли своих отцов, 5 – братьев, 2 – отчимов.

Сравнение показателей псковского и московского послевоенного студенчества

К теме социального состава послевоенного студенчества обращались и в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. В 2008 г. вышло исследование Е.О. Ягодкиной о коллективном портрете студентов исторического факультета МГУ за 1945–1953 гг., основанное на базе социально-демографических данных из личных дел студентов [12]. Данное исследование показало, что большинство студентов истфака МГУ тоже были из семей служащих (45 %) и среди их родителей так же было довольно много людей, занимавших руководящие должности (13%) – должности партработников, руководителей предприятий и больших отделов, работников министерств, военнослужащих высшего ранга. Похожее мы отмечаем и про истфак ПГПИ, но есть отличие в уровне занимаемых родителями руководящих должностей, что вполне понятно, учитывая различный статус двух городов и уровень возможностей для трудоустройства. Следует отметить еще одно отличие в социальном происхождении студентов Пскова и Москвы: среди послевоенного набора истфака МГУ молодых людей из крестьянских семей было всего 6 %, тогда как историческое образование в Пскове для жителей деревней было более доступным и в ПГПИ обучалось гораздо больше выходцев из крестьянских семей – 22,4 %. Существенной была разница и в гендерном соотношении студентов двух вузов. Более 40 % студентов истфака МГУ было мужского пола, в ПГПИ 70 % учащихся были женского пола, 30 % – мужского.

Заключение

По итогам анализа сведений из базы данных, составленной на основе сведений из материалов личных дел студентов двух факультетов ПГПИ первых послевоенных годов выпуска, получился живой коллективный портрет образованной молодежи конца 1940-х – начала 1950-х гг., социальная ориентация и жизненные планы которой в

определенной степени обусловлены социальным положением и уровнем образования родителей. Такая тенденция прослеживалась в последующие десятилетия. Например, по данным проведенного в начале 1970-х гг. социологического исследования, среди желающих сразу после окончания школы поступить в вуз, дети рабочих составили 36,7%, дети колхозников — 7,2%, дети служащих и специалистов — 54,6% [13, с. 166]. Но на получившийся социальный портрет студентов повлияло не только это, но и еще два обстоятельства. Во-первых, это формальное прекращение с середины 1930-х гг. [13, с. 159] действия «классового принципа» отбора абитуриентов, когда предпочтение отдавалось выходцам из рабочих и крестьян. Во-вторых, это массовый недобор абитуриентов в конце 1940-х гг. в региональных вузах и нехватка кадров, в том числе учительских. Приемная комиссия ПГПИ была лояльна к поступающим и принимала всех, кто проходил вступительные экзамены, несмотря, например, на то, что несколько студенток не скрывали факт политических репрессий в отношении своих родственников, а 86 студентов спокойно упоминали о том, что в годы войны были вынуждены проживать на территориях, оккупированных фашистской Германией. Возможно, это объясняется тем, что, как видно из общих результатов проведенного нами исследования, около половины послевоенных абитуриентов ПГПИ были жителями Псковской области, которая в своих современных границах была оккупирована в 1941–1944 гг. полностью. Конечно, если не сам абитуриент, то кто-то из его родственников с большой долей вероятности мог быть жителем оккупированной местности, и отказываться от такого количества поступающих институту было бы нецелесообразно.

В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что информационный потенциал материалов личных дел вузовского архива достаточен для изучения социального портрета студентов послевоенного времени.

Библиография

1. Медынский Е. Н. Народное образование в СССР. Москва: Издательство Академии педагогических наук СССР, 1952. 286 с.
2. Веремчук А. С. Интеллигенция и советская власть // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 34–38.
3. Силина Л. В. Настроения советского студенчества в послевоенный период: 1945–1964 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2002. 304 с.
4. Ягодкина Е. О. Студенчество исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1943–1953 гг.): источниковедческое исследование: дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2009. 319 с.
5. Русина Ю. А. Рифмы жизни. История студенческого литературного кружка УрГУ (середина 1940-х гг.) // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 269–285.
6. Русина Ю. А. Между покаянием и исповедальностью: литературное творчество студентов в последнее сталинское десятилетие // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (124). С. 149–163.
7. Никулин В.В. Классовая структура советского общества и социально - правовой статус личности в советской России (1920-е годы) // Социодинамика. 2017. № 2. С. 9-21. DOI: 10.7256/2409-7144.2017.2.20696 URL: https://e-notabene.ru/pr/article_20696.html
8. Архив Псковского государственного университета (Архив ПсковГУ). Д. 77 (1949).
9. Архив ПсковГУ. Д. 136 (1951).
10. Архив ПсковГУ. Д. 185 (1953).
11. Село Новокубанка. История в экспонатах // Сайт областной общественно-политической газеты «Акмолинская правда». [Электронный ресурс] URL:

<https://apgazeta.kz/2017/07/15/selo-novokubanka-istoriya-v-eksponatax/> (дата обращения: 07.04.2024).

12. Ягодкина Е. О. Коллективный портрет студентов МГУ послевоенных лет (по материалам личных дел студентов) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2008. № 3. С. 97–112.

13. Фурсова В. В. Социальное неравенство в системе образования советского общества: теория и практика // Границы российского образования. Москва : Центр социологических исследований, 2015. С. 146–172.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

Социальный состав послевоенного студенчества: опыт анализа данных из материалов личных дел архива Псковского пединститута

Рецензируемая статья посвящена анализу социального состава студенчества на примере Псковского государственного пединститута в период 1945–1953 гг., в послевоенные годы, когда потребность государства в квалифицированных кадрах была чрезвычайно велика, и остро стояла задача решения проблемы недобора абитуриентов, особенно в региональных вузах и нехватки преподавательских кадров, в том числе учительских.

В рамках case study изучения социального состава послевоенного студенчества автор обращается к опыту регионального вуза. В качестве методики было выбран просопографический подход, позволяющий создать коллективный портрет будущих учителей, социальная ориентация и жизненные планы которых в определенной степени обусловлены социальным положением и уровнем образования родителей.

Исследование проводится на источниковой базе документов из 282 личных дел студентов двух факультетов ПГПИ – исторического и литературного. Эти материалы были внесены в базу данных, анализ которой позволил автору выявить определенные закономерности формирования нового поколения советской интеллигенции, в том числе через судьбы родителей показать влияние таких глобальных событий отечественной истории, как массовые политические репрессии и Великая Отечественная война, Основное внимание автора обращено на такую характеристику студентов, как социальное происхождение. Научная новизна данного исследования заключается в том, что в отличие от работы исключительно с графиками личных карточек были изучены нарративы – автобиографии студентов, в которых они указывали профессии и / или место работы своих родителей и другие социальные характеристики.

Следует согласиться с автором, что в советской реальности социальному происхождению уделялось большое внимание, поэтому студенты подчеркивали «правильное». Источник позволяет проследить социальную мобильность родителей студентов, а также характерные для первых десятилетий Советской власти высокие темпы урбанизации: «если родители по своему происхождению были крестьянами, то их дети уже рождались в семье рабочих или служащих и указывали соответствующее социальное происхождение».

О политизированности описания социального происхождения свидетельствуют и указания в автобиографиях студентов на членство родителей в ВКП (б), а также на то, что никто из родственников не был репрессирован и не находился за границей. Тем не менее, встречаются и упоминания об осужденных родителях, а многие студенты

упоминают о том, что в годы войны находились на оккупированной территории. Возможно, утаивать информацию об этом было опасно из-за возможной проверки сведений.

Что касается влияния Великой Отечественной войны на биографии студентов, то в более 85% личных дел имеются сведения о судьбах студентов и/или членов их семей в годы войны – они пишут о погибших на войне отцах, братьях, отчимах.

В работе проанализирована динамика соотношения социальных групп и показана тенденция к росту доли студентов из семей служащих. Выдвигается гипотеза, что невысокая доля студентов из семей рабочих и крестьян частично объясняется тем, что обучение в вузах в 1940–1956 гг. было платным, и это могло влиять на решение о поступлении в вуз.

Интересной частью исследования является сравнение социальных характеристик псковского и московского послевоенного студенчества с привлечением результатов исследования Е.О. Ягодкиной о коллективном портрете студентов истфака МГУ за 1945–1953 гг., также на материалах личных дел. С учетом различного статуса обоих городов дается интерпретация сходства и различия результатов обоих исследований.

В целом, полученные автором выводы обоснованы, опираются на хорошее понимание социальной истории первых десятилетий советской власти и специфики псковского региона. Статья написана в хорошем академическом стиле и вызовет интерес читателей журнала.

Очевидно, работа имеет перспективу продолжения. Хотелось бы пожелать автору расширить историографическую базу, более полно использовать возможности технологии баз данных, включая статистические и визуальные инструменты анализа. Статья может быть рекомендована к печати.